

Из истории науки

НАТУРФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ АНТИЧНОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ШКОЛА В III ВЕКЕ. ЧАСТЬ III

Д.А. Балалыкин, А.П. Щеглов, Н.П. Шок

Статья посвящена актуальной проблеме в истории естествознания – взаимовлиянию натурфилософии и медицины в III в. На рубеже II–III вв. в медицине происходит важный перелом: формируется теория, которая начинает господствовать в этой сфере на всем цивилизованном пространстве, – анатомио-физиологическая система Галена. В статье также подробно анализируются особое место и значение в развитии естествознания Александрийской школы, в рамках которой обеспечивалась синергия античной философии и христианской теологии.

Ключевые слова: история медицины, история науки, Александрийская школа, античное естествознание, Гален, Дионисий Великий, Асклепиад, Платон, Аристотель

Значение учения Аристотеля для истории науки невозможно переоценить. По сути, мы говорим о философской системе, определившей развитие естествознания на срок без малого в 2 тыс. лет. Аристотель вслед за Платоном возглавил Афинскую школу философии, развив, а в какой-то части опровергнув взгляды Платона. Есть несколько важных моментов в критике Аристотелем платоновской системы. В частности, он отвергает предложенную его предшественником теорию «идей». Наследие Аристотеля многогранно, он оставил след решительно во всех областях научного знания: в точных, естественных и гуманитарных науках [1].

Аристотелевская натурфилософская система также предполагает наличие в живой природе твердых, постоянных законов целесообразного функционирования. Для именованя Бога Аристотель еще употребляет, вслед за Платоном, выражение «мировой ум». Впрочем, слово «бог» он также использует прямо и четко: «Мы говорим поэтому, что бог есть

вечное, наилучшее живое существо, так что ему присущи жизнь и непрерывное и вечное существование, и именно это есть бог» [2]. Бог для Аристотеля – форма всех форм и перводвижитель всего сущего. Вообще, движение материи для Аристотеля является важнейшим вопросом, и здесь он отходит от однозначно выраженной Платоном идеи сотворенности материального мира. Мир для Аристотеля скорее (и логичнее) вечен, чем сотворен. На противоречие в этом вопросе, которое существует в рассуждениях Платона, мы уже указывали.

Идея вечности мира впоследствии приведет к возникновению на основе Аристотелева естествознания пантеистических теорий. Мы расскажем об этом подробно, когда будем говорить о развитии научной мысли на исламском Востоке в IX–XII вв. Главная причина движения мира и тех законов, по которым он движется, по Аристотелю, – вечный перводвижитель, Бог. Бог есть мировой ум, высшая действительность. Огромное значение для Аристотеля имеет понятие «телеология», означающее конечную целесообразность движения в материальном мире, а также единство цели мирового движения.

По существу, Аристотель создает прочную методологическую основу для естественных наук. Из его системы следует определенный вывод об объективном характере реальности, о наличии четких законов в природе, которая движется и развивается закономерно, целесообразно и упорядоченно. Для изучения и описания этой реальности Аристотель предполагает использовать определенный понятийный аппарат, выделяя четыре начала бытия и мироздания: материю, форму, причину, движение, – а также цель, ради которой происходит конечное действие [3].

Итак, мы видим, что для Аристотеля существует природа как объективная реальность и существуют законы ее движения и развития. Однако познаваема ли природа человеком? Аристотель не просто утвердительно отвечает на этот вопрос, он идет гораздо дальше, создавая основы методов познания. Человек в его философской системе – наивысшее существо материального мира. Аристотель различает две формы деятельности человека: высшую, теоретическую, реализующую функцию познания, и низшую, практическую – достижение человеком различных целей, находящихся вне его самого [4].

Все сказанное сразу подталкивает нас к экстраполяции этих общих категорий на частные вопросы развития науки. Не следует забывать, что отец Аристотеля, Никомах, был врачом, сам Аристотель был обучен медицине. Никомах был другом и лейб-медиком македонского царя Аминты, отца будущего царя Филиппа и деда Александра Македонского. Не-

удивительно, что самого Аристотеля связывали самые лучшие отношения с царем Филиппом, что предопределило приглашение великого ученого в качестве наставника для юного Александра. Медицина в рамках философии Аристотеля имеет дело с целесообразными и закономерными процессами, протекающими в организме человека. При этом ясно, что одних практических врачебных действий совершенно недостаточно [5].

Система Аристотеля отчетливо говорит о необходимости теоретической познавательной деятельности, как бы приглашая врача переходить от накопления многочисленных частных наблюдений к построению системных умозаключений и теорий, объясняющих происхождение и ход заболеваний. В трактате «О душе» Аристотель впервые четко разграничивает не только душу и тело, но и их естественные состояния. Тело материально, поэтому оно находится в движении – от репродукции к рождению, от рождения к зрелости, старости, дряхлости и смерти. Душа не движется, она бессмертна, ум есть нечто божественное и не подвержен тлению. Однако есть нюанс: ум и душевные состояния зависят от состояния тела. Это еще один камень в практический фундамент медицины: ум выше тела, с помощью ума тело познаваемо. Однако и тело влияет на состояние ума, а от этого представления один шаг до медицинских теорий, определяющих психосоматическое единство человека и методы достижения такого единства.

Отвечая положительно на вопрос о возможности познания, Аристотель идет еще дальше, предлагая комплексную методологию – теорию познания. По сути, это первая в истории попытка сформулировать теорию науки. Научное знание в этой системе – знание о бытии. Знание начинается с ощущения, но не тождественно ему. Аристотель определенно отличает научное знание от искусства, от опыта и от мнения. Сфера искусства – практика и производство; сфера знания – созерцание предмета, умозаключения и в конце концов теория. Знание способно передаваться с помощью обучения. Знание отличается от мнения своей достоверностью: мнение случайно, знание же носит общий и истинный характер. Но как его получить? И здесь начинается настоящая методологическая революция – Аристотель предлагает отличительные признаки научного знания. Таковыми он называет, во-первых, доказательность, во-вторых, способность к объяснению и, в-третьих, сочетание единства знания с наличием степенной подчиненности (речь идет об иерархии знаний в рамках объяснения явления). Очевидно, что перед нами «рецепт приготовления» научной теории – изложены необходимые и минимально достаточные ее свойства. Задача познания в естественных науках, по Ари-

стотелю, состоит в том, чтобы фиксировать явление, выяснять его причину и исследовать его сущность [6].

Наконец, в трактате «Топика» великий ученый предлагает структуру доказательства в виде идеи силлогизма. Научное доказательство для него логично и структурировано. Аристотель употребляет такие термины, как «доказательство», «доказывающий силлогизм», «научный силлогизм», «научное доказательство».

Необходимым свидетельством состоятельности той или иной теоретической системы является ее стимулирующее влияние на процесс накопления и систематизации практических знаний. В этом отношении научное наследие Аристотеля само по себе выступает таким свидетельством. Помимо сочинений, касающихся познания, он стал автором выдающихся научных трудов, определивших развитие науки. Значение его трактатов «Метафизика», «Топика», «О душе» уже проанализировано нами ранее. Добавим к этому «Физику», «Метеорологику», «О небе», «О возникновении и уничтожении» – эти труды исследователи наследия Аристотеля часто объединяют в некое единое смысловое целое, его систему естествознания [7].

Следствием переосмысления натурфилософских теорий и медицинской практики с позиций рационализма стало бурное развитие медицины в III в. до н.э. – II в. н.э. в политических и культурных рамках эллинского мира и позднее – Римской империи.

Следующий кризис в естествознании возникает в I в. Суть этого кризиса такая же: он затрагивает методологию и критерии истинности познания материального мира [8]. В медицине он проявляется в виде конфликтов между разнообразными течениями научной мысли и в виде отсутствия единой, доминирующей анатомо-физиологической теории (система Гиппократ исчерпала свои возможности). Вот как этот процесс комментируется крупнейшим врачом и философом I в. Авлом Корнелием Цельсом:

«Медицина разделилась на три части: одна лечит образом жизни, другая лекарствами, третья хирургическим путем. Первую часть греки называли диететической, вторую фармацевтической, третью хирургической.

Поскольку из трех частей медицины наиболее трудная и вместе с тем самая известная та, которая занимается лечением болезней (образом жизни), то о ней и надо сказать прежде всего.

И так как первый разгоревшийся спор заключается в том, что одни утверждают необходимость одних только опытов, а другие выдвигают мысль, что опыт недостаточно эффективен, если нет знания законов устройства тела

и явлений природы, то надо установить, что именно в споре главным образом выдвигают обе стороны, чтобы тем легче можно было противопоставить им наше мнение.

Итак, те (врачи), которые представляют медицину, построенную на отвлеченных началах, выдвигают необходимость знания нижеследующих данных: скрытых причин, обуславливающих болезни, затем причин явных, после того также естественных функций [организма] и, наконец, знания внутренних органов. Скрытыми причинами они называют такие, с помощью которых познается, из каких элементов состоят наши тела, что способствует здоровью и нездоровью. И они убеждены, что тот, кто не знает происхождения болезней, не может знать, как их лечить. По их словам, нет сомнения, что методы лечения разные. Одно лечение, если нездоровье происходит от избытка или недостачи одного из четырех элементов... другое лечение, если всякое заболевание связано с состоянием соков, как думал Герофил, иное – если нездоровье связано с воздухом, как учил Гиппократ, опять-таки другое, если кровь проникает в те сосуды [артерии], которые приспособлены для воздуха, и возбуждает воспаление, называемое греками флегмоной, причем это воспаление производит такое действие, какое бывает при лихорадке. Таково мнение Эразистрата; наконец, иное лечение должно быть, если маленькие тельца, проникающие через невидимые для глаз отверстия, застревая, замыкают пути, как утверждает Асклепиад.

По их мнению, тот действительно будет правильно лечить, кто не ошибся в первопричине болезни. Они, впрочем, не отрицают, что опыты также необходимы, но утверждают, что к опытам можно подойти только исходя из общей мысли, основанной на разуме» [9].

К середине II в. упомянутое Цельсом разделение врачебного сообщества на различные течения с порой прямо противоположными взглядами на основы патологии порождает серьезный кризис в медицине.

И Цельс, и Гален, и св. Дионисий упоминают о враче Асклепиаде. Это крупная фигура в истории естествознания, один из наиболее известных в цивилизованной Ойкумене того времени деятелей медицины до Галена, ярчайший представитель синтеза теории и практики в рамках натурфилософской линии Демокрита – Эпикура. Годы жизни Асклепиада определяются в историографии, как 124 или 129 г. до н.э. – ок. 40 г. до н.э. Родился он в Прузе, в Вифинии. Первоначально занимался ораторским искусством, но затем посвятил себя изучению медицины и практиковал в нескольких греческих городах, а позднее в Риме. В истории медицины Асклепиад считается основателем методической школы. По утверждению С.Ю. Трохачева, ни об одном греческом враче в литературе не встречается такое количество противоречивых сведений, как об Асклепиаде из Вифинии, жившем в Риме в конце II – начале I в. до н.э.

«...Компилятор и энциклопедист начала I в. н.э. Авл Корнелий Цельс относился к Асклепиаду явно скептически, хотя и признавал, что после врачей эмпирической школы никто, кроме Асклепиада, “не продвинул науку дальше того, что он узнал от предшественников”. Идей Асклепиада не принимал и знаменитый Гален (129–192 гг. н.э.), считавший вифинского врача последовательным эпикурейцем, то есть человеком, “который опирается в своих мыслях на порочные принципы”, ибо на самом деле “всем руководит и все устраивает разум, а не случайное соединение отдельных атомов”. Плиний Старший полагал, что Асклепиад был обыкновенным самозванцем, который сначала подвизался на поприще преподавания красноречия, а затем, не добившись здесь особых успехов, обратился к медицине только для того, чтобы заработать, не имея никакой специальной подготовки. Противоположное мнение мы встречаем у Апулея, считавшего Асклепиада одним из самых выдающихся врачей своей эпохи, более того, вторым, после Гиппократа, корифеем в греческой медицине. Однократно и довольно благожелательно упоминали об Асклепиаде Цицерон в диалоге “Об ораторе” и Сенека в письме к Луцилию, из чего можно заключить о широкой известности и популярности медика из Вифинии у римлян в I в. до н. э. – I в. н.э.» [10].

Известно, что Асклепиад был автором 15 сочинений, которые оказались утраченными. Сохранились лишь названия, перечисленные у А. Галлера, отдельные фрагменты в компилятивном сочинении Целия Аврелиана «Об острых и хронических болезнях» (начало V в. н.э.) на латинском языке и небольшой отрывок «О лечении вывихов» в «Медицинских сводах» Орибасия из Пергама (IV в. н.э.) на греческом языке, отрывки, которые были собраны Х.Г. Гумпертом (Веймар, 1794 г.).

Асклепиад прибыл в Рим между 100 и 90 гг. до н.э., в период упадка медицинской науки. Первоначально у богатых римлян было весьма пренебрежительное отношение к профессии врача, однако оно легко сменялось к указанному периоду на слепое доверие к каждому, кто именовал себя врачом. В античности не была институционально закреплена система сертификации врачей. Вместе с тем, как утверждают ученые, в греческих полисах «достоинства или недостатки того или иного врача быстро становились достоянием гласности», после чего принимались соответствующие меры [11]. В Риме же безответственность некоторых шарлатанов часто оставалась ненаказанной, несмотря на достаточно суровые законы. По утверждению некоторых ученых, никаких медицинских школ в Риме до Асклепиада не существовало, в основе практики врачевания был грубый эмпиризм. Таковы были социальные условия, в которых Асклепиад создал принципиально новую теорию медицины и как следствие – новую медицинскую школу, которая функционировала в Риме на протяжении почти 200 лет. Желая создать собственную школу,

Асклепиад, друг Цицерона и учитель Антония Музы, во многом возразил Гиппократу. Основным положением медико-философской теории Асклепиада стало следующее: вместо четырех «влаг» на первое место в человеческом организме он поставил твердые части, включающие в себя известные уже «частицы». В этой связи некоторые ученые оценивают Асклепиада как «словного практика», сумевшего подстроиться «под вкусы изнеженных римлян» [12].

Именно этот кризис преодолевает Гален, основываясь на определенной натурфилософской базе. Галенизм понимается в истории науки как господство анатомо-физиологической системы Галена в медицине, и в утверждении ее господства активную роль сыграли ученики и последователи Галена. Их активность как раз и приходится на первую половину III в. – время жизни и деятельности св. Дионисия Великого. К сожалению, скудность источников не позволяет нам детально реконструировать подробности чисто медицинской дискуссии того времени. В нашем распоряжении тексты Галена (конец II в.) и тексты его последователей второй половины III и в IV в. Приводимый нами в приложении к данной статье текст св. Дионисия Великого хронологически располагается между ними.

Труды Галена – один из важнейших источников в истории естествознания, с помощью которого мы можем определенно говорить о натурфилософском фундаменте теории и практики Асклепиада и его последователей в виде атомизма Демокрита и эпикурейской его версии. Более того, Гален проводит прямую связь между неверной теоретической основой и практической несостоятельностью данного направления в медицине. Это еще одно доказательство взаимовлияния натурфилософской теории и медицинской практики.

Гален выражается недвусмысленно: «В самом деле, если бы Асклепиад, кроме сильного подозрения, которое он навлек на себя, в бессилии объяснить остальные пункты таким же образом, как он удачно сделал это в одном случае, не дошел до такой глупости, чтобы был уличен в полном незнании результатов, полученных благодаря анатомическим вскрытиям, я не стал бы терять времени, стараясь его опровергнуть, но остался бы верным, как я это делал и с самого начала, своему твердо принятому решению оставлять без опровержения все ошибочные утверждения. Но в данный момент, так как некоторые защитники подобных ложных мнений гордятся тем, отчего они должны были бы краснеть, я счел нужным опровергнуть их рассуждения, чтобы еще большее число людей не поддавалось обману. Опровержение, как было сказано выше, двоякое,

причем одно основано на анатомии, другое – на выводах логики. Совершенно ясно, что мудрый Асклепиад не знал ни того, ни другого, что он не знал, что артерии отличаются от вен не только плотностью, но также числом и твердостью оболочек и расположением волокон» [13]. И далее вслед за противопоставлением платоновской и эпикурейской философии: «Ничего этого Асклепиад не знал, а если он знал, то не смог найти причины, он, который начало всех явлений сводит к атомам и к пустоте» [14].

«Может быть, можно приписать странной удаче атомов правильное устройство прилегающих и смежных частей, но что ни одно живое существо не имеет одновременно сильных когтей и слабых зубов, то это дело демиурга, обладающего точным знанием назначения каждой из частей» [15].

Что же это за «рассудок и размышление»? Гален – платоник, материальный мир для него – акт целенаправленного продуманного действия творца Вселенной, который создал все живые существа, и в сравнительной анатомии Гален находит подтверждение этого замысла и акта творения: «Я бы не хотел открывать, каким образом природа исправила этот недостаток изобретением остроумного способа, прежде чем не спрошу учеников Асклепиада и Эпикура, каким путем, на месте создателя живых существ, они придали бы нервы вышеназванным мышцам. Я имею обыкновение действовать иногда так и предоставлять им для обдумывания не только такое количество дней, но и такое количество месяцев, сколько они потребуют. Но так как нельзя ни пользоваться этим методом при сочинениях, ни сравнивать искусство этих людей с бездарностью природы, ни показать, насколько природа, обвиняемая ими в неумении, превосходит своими мудрыми соображениями проницательность этих людей, не могущих даже понять искусства ее творений, то мне необходимо описать средства придуманные природой, чтобы оделить мышцы, о которых идет речь, нервами и движением» [16].

Сейчас подходящий момент, чтобы вспомнить о том, что Аристотель первым предложил зоологическую систематику. Для него природа – комплексное творение, человек – его высшая часть. Аристотель видит человека в контексте творения эстетически идеального бесконечно, целесообразного в функции и движении (телеологии) мира природы. Гален, верный последователь натурфилософских идей Платона и Аристотеля, предлагает свое видение натурфилософии и создает свою анатомо-физиологическую систему как часть более общего взгляда на естество-

знание. Именно в этом и состоит причина его интереса к сравнительной анатомии. Его философские взгляды изложены в фундаментальном труде «О догмах Платона и Гиппократата». Сам Гален придавал этой работе огромное значение. Не случайно, в сочинении «О назначении частей человеческого тела» он постоянно отсылает читателя к книге «О догмах Платона и Гиппократата» как изложению его комплексного взгляда на натурфилософию.

В отечественной литературе практически не обсуждается фигура Галена как философа. Единственное известное нам исключение – комментарий Б.Д. Петрова к русскоязычному изданию трактата «О назначении человеческого тела». Между тем именно понимание фигуры Галена как философа-врача помогает верно оценить его наследие. Масштабом натурфилософских воззрений Гален напоминает Гиппократата. Подобно Гиппократату он создает революционную для своего времени комплексную практическую систему взглядов на медицину. Так же как и его великий предшественник, он основывает свои практические суждения на базе натурфилософской системы.

Мы уже говорили, что рационализм Гиппократата, подчеркивавшего значение эмпирического опыта, который врач черпает в ежедневной практической деятельности, был реакцией на вырождение современных ему натурфилософских систем в пустую абстракцию. Апофеозом такой абстракции стала философия софистов, неспособная предложить что-либо ценное для естествознания. Гален, в свою очередь, видит подобный кризис в современной ему медицине. Мы приводили высказывание Цельса о двух направлениях в медицине – условно говоря «теоретическом» и «практическом», представители которых ожесточенно спорили между собой. Крупный современный английский историк науки В. Наттон, рассматривая развитие медицины в I–II вв., отмечает безусловную взаимосвязь религиозно-философских убеждений врачей того времени и их подходов к медицинской практике. Внимательно анализируя ход научных дискуссий тех столетий, Наттон указывает на увлеченность врачей формой теоретического обоснования своих знаний. Эта дискуссия имела мало практического смысла, так как методы врачевания у представителей разных школ почти не отличались друг от друга. Об этом в середине XX в. много писал американский исследователь творчества Галена Г. Сартон [17].

Кризис элейской и пифагорейской натурфилософии вызвал рационалистическую критику со стороны Гиппократата и побудил его предложить свою медицинскую систему. Точно так же кризис медицины, наме-

тившийся во II в., вызвал реакцию в виде теории Галена. Бесплодные дискуссии врачей-натурфилософов, разделявших убеждения стоиков, с коллегами из стана скептиков-пирронистов, исчерпывающе описанные В. Наттоном, как раз и были глубоким кризисом теории и практики методов познания в медицине. Главным ответом на эту дискуссию со стороны Галена стал его трактат «О догмах Платона и Гиппократата».

Гален совершенно не случайно обращается к творчеству именно этих мыслителей. Во-первых, он считает себя сторонником философских взглядов Платона и продолжателем традиций Гиппократата в теории и практике медицины. При этом Гиппократата он ставит выше Платона, указывая на сочетание в работах выдающегося врача-философа вопросов практического познания и теоретического осмысления его результатов. Натурфилософские взгляды Гиппократата основывались на эмпирике врачевания. Для Галена это было крайне важно: в этой методологии он видел разрешение конфликта взглядов «теоретиков» и «практиков» в современной ему медицине.

Во-вторых, именно Платон и Гиппократ (об этом мы подробно говорили) – зачинатели рационалистической революции, разрешившей вопрос дальнейшего развития естествознания в момент кризиса античной науки за 500 лет до Галена. Подобно им Гален со своей анатомо-физиологической системой стал революционером-рационалистом в момент кризиса естествознания во II в. Повторимся: кризис, проявившийся в стагнации, в то время был характерен не только для медицины, но и прежде всего для философии. Историк науки Ф. Де Ласи показал глубокое несогласие Галена с преобладавшими в его время интерпретациями философии Платона [19]. О явлении неоплатонизма, по сути, лишавшего учение Платона всякого познавательного позитивизма, историки науки говорят в связи с восприятием античного философского наследия ранними христианскими мыслителями. В любом случае (не воспроизводя подробно анализ, выполненный Ф. Де Ласи) мы можем определенно утверждать, что Гален не принимал современные ему стоические и неоплатонические идеи. Он твердо исходил из возможности и необходимости познания природы вещей. В медицинской практике Гален также защищал принцип рационального познания и ставил на первый план накопление эмпирических данных. Высоко оценивая и часто комментируя естественно-научные труды Платона (верным последователем которого Гален, по сути, и был), он видел природу как систему наилучших решений Демиурга – творца Вселенной. В своем труде «О догмах Платона и Гиппократата» Гален проводит аналогию между логично и рацио-

нально сотворенными предметами и внутренне глубоко целесообразной анатомией и физиологией живых организмов. По его мнению, такое творение не может быть случайным. И именно преемник Платона – Аристотель впервые предложил научную классифицирующую зоологическую систему [20].

* * *

Резюмируя изложенное в данной статье, отметим выделяемые нами доминанты в развитии античного естествознания в период IV в до н.э. – III в. н.э. Мы полагаем возможным ставить вопрос о наличии двух преобладающих методологических и гносеологических линий, которые можно кратко назвать по именам их наиболее выдающихся апологетов: линии Левкиппа – Демокрита – Эпикура – Асклепиада и линии Платона – Гиппократа – Аристотеля – Галена. Теоретическая база и аппарат познания в рамках каждой из них нами охарактеризованы и оценены в контексте истории науки. Отметим наличие прочной натурфилософской основы у обеих, – в отсутствие таковой столь долгое их существование в состоянии развития и полемики было бы невозможным. Эта полемика предопределила как кризис естествознания в целом и медицины в частности на рубеже тысячелетий, так и его преодоление к концу II–III вв.

Победа анатомио-физиологической системы Галена привела к ее господству в медицине. Однако обращает на себя внимание и часто констатируется (хотя и крайне плохо объясняется) беспрецедентный для истории частной области естествознания период этого господства – вплоть до XVI в. Важнейшим объяснением, на которое мы обратили внимание, является совпадение натурфилософской линии Галена с естественным богословием в христианстве. Этот важный исторический и методологический аспект мало исследован в специальной литературе. Всем понятно, что верная интерпретация истории естествознания на донаучном этапе (до XVII в.) требует адекватной реконструкции, которая невозможна без введения в научный оборот источниковой базы во всей ее полноте. С другой стороны, начало III в. – это время когда складывается традиция христианского богословия, оно формируется в плане методов исследований, интерпретации вероучения и, главное, определяется с принятием или отрицанием предшествующей ему античной традиции. Александрийская школа имеет первостепенное значение в этом процессе, общепризнанное историками науки, историками философии и богословами.

Практически безболезненная абсорбция христианской мыслью рационалистической натурфилософии Аристотеля и Галена – важнейшее явление в истории науки, предопределившее развитие естествознания. Публикуемый нами (впервые на русском языке) текст св. Дионисия Великого является очень важным источником, помогающим нам правильно понять причины этого успешного синтеза.

Примечания

1. См.: *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. / Под ред. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1; *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1; *Балалыкин Д.А.* Зарождение медицины как науки в период до XVII века. – М.: Весть, 2013.
2. *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. – Т. 1. – С. 310.
3. См.: *Гален К.* О назначении частей человеческого тела / Под ред. В.Н. Терновского. – М.: Медицина, 1971.
4. См.: *Балалыкин Д.А., Шок Н.П.* Взаимодополняющее развитие натурфилософии и медицины в Древней Греции // Главный врач: хозяйство и право. 2013. – № 2. – С. 47–52.
5. См.: *Балалыкин Д.А., Шок Н.П.* История медицины как предмет научного исследования // Человеческий капитал. – 2013. – № 4 (52). – С. 130–135.
6. *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. – Т. 1.
7. См.: *Брук Дж. Х.* Наука и религия: историческая перспектива / Библейско-богослов. ин-т св. апостола Андрея. – М., 2004.
8. См.: *Балалыкин Д.А.* Зарождение медицины как науки в период до XVII века; *Балалыкин Д.А., Шок Н.П.* Взаимодополняющее развитие натурфилософии и медицины в Древней Греции; *Stark R.* The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History. – Princeton Univ. Press, 1996.
9. Цит. по: *Бергер Е.Е., Титорская М.С.* Хрестоматия по истории медицины / Под ред. Д.А. Балалыкина. – М.: Литтера, 2012. – С. 90–91.
10. *Трохачев С.Ю.* Философские основания медицинской теории Асклепиата Вифинского // Некоторые проблемы античной науки. – Л., 1989. – С. 127.
11. Там же. – С. 157.
12. *Эйхвальд Э.Э.* Очерки истории медицины. – СПб., 1893. – С. 22.
13. *Гален К.* О назначении частей человеческого тела. – С. 241.
14. Там же. – С. 242.
15. Там же. – С. 386.
16. Там же. – С. 276.
17. См.: *Nutton V.* Medicine // The Cambridge Ancient History. – V. XI, ch. 33.
18. Ibid.
19. См.: *Galen.* On the Doctrines of Hippocrates and Plato / Ed., com., trans. by P. De Lacy. – Akademie Verlag, 2005.
20. См.: *Шок Н.П.* Взаимодополняющее развитие натурфилософии и медицины в Древней Греции (Сократ, Платон, Аристотель) // Человеческий капитал. – 2013. – № 4 (52). – С. 146–151.

Приложение

Praeparatio evangelica, ed. K. Mras, Eusebii Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica [Die griechischen christlichen Schriftsteller 43.1 & 43.2. Berlin: Akademie-Verlag, 43.1:1954, 43.2:1956]: 43.1:3–613, 43.2:3–426.

Текст Священного Писания на русском языке дан в синодальном переводе, близком к масоретской (талмудической) традиции. Текст Священного Писания на церковно-славянском языке дан по Острожской Библии Ивана Федорова и основывается на тексте 72 толковников (Септуагинте).

ΚΣ'. ΑΠΟ ΤΗΣ ΑΝΘΡΩΠΟΥ ΦΥΣΕΩΣ

“Καὶ οὐτε ἑαυτοὺς οὐτε τὰ περὶ ἑαυτοὺς ὀρώσιν. εἰ γάρ τις τῶν ἀρχηγῶν τοῦ τῆς ἀσεβείας ταύτης δόγματος ἑαυτὸν ὅστις ἐστὶ καὶ θθεν ἀνελογίζετο, ἐφρόνησεν ἂν ἄπερ ὁ συνησθημένος ἑαυτοῦ καὶ εἶπεν ἂν οὐ πρὸς τὰς ἀτόμους, ἀλλὰ πρὸς τὸν πατέρα καὶ ποιητὴν ἑαυτοῦ· ‘Αἱ χεῖρες σου ἐπλασάν με καὶ ἐποίησάν με’ καὶ προσεπεξεργάσατο ἂν ὡς ἐκεῖνος τὸν θαυμάσιον τῆς ποιήσεως ἑαυτοῦ τρόπον· ‘Ἦ οὐχ ὡσπερ γάλα με ἤμελξας, ἐτύρωσας δέ με ἴσα τυρῶ, δέρμα καὶ κρέας με ἐνέδυσας, ὀστέους δὲ καὶ νεύρους με ἐνεῖρας; ζῶν δὲ καὶ ἔλεος ἔθου παρ’ ἐμοί, ἢ δὲ ἐπισκοπή σου ἐφύλαξέ μου τὸ πνεῦμα.’”

πόσας γὰρ ἀτόμους ὁ Ἐπικούρου πατήρ καὶ ποταπὰς ἐξ ἑαυτοῦ προέχεεν, ὅτ’ ἀπεσπέρμαιεν Ἐπικούρου; καὶ πῶς εἰς

Глава 26.

О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Кроме того, эти (*философы – авт.*) не понимают ни самих себя, ни того, что вокруг них. Но, если кто из основателей этого кощунственного учения (*эпикурейцы – авт.*) ощутил бы себя в здравом уме, он бы сказал, что не атомы, а Бог Отец создал его: «Твои руки образовали всего меня кругом» «руце твои сотвориша мя и создаста мя»¹ и понял бы каким удивительным образом появились творения: «Не ты ли вылил меня как молоко, и как творог сгустил меня. Кожею и плотию одел меня, костями и жилами скрепил меня. Жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой». «ни яко же млеко измолзе, насырил мя еси равно сыру. Кожею и плотию мя облече, костыми же и жилами сшил мя еси. Живот же и милость положи у мене, посещение же сохранит мой дух»².

«Сколько и какого рода были атомы, которые отец Эпикура излил из себя, чтобы зачать Эпикура? И когда они

¹ Иов. 10, 8.

² Иов 10, 10-12.

τὴν μητρίαν αὐτοῦ κατακλιθεῖσαι
 γαστέρα συνεπάγησαν, ἐσχηματίσθησαν,
 ἐμορφώθησαν, ἐκινήθησαν, ἠῤῥήθησαν,
 καὶ πολλὰς ἢ βραχεῖα ῥάνις τὰς
 Ἐπικούρου ἀτόμους προσκαλεσαμένη
 τὰς μὲν ἐπιμφίεσεν αὐτὸν δέρμα καὶ
 σάρκα γενομένας, ταῖς δὲ ὅστωθείσας
 ἀνὼρθωται, ταῖς δὲ συνεδέθη
 νευρορ<ρ>αφούμενος, τὰ τε ἄλλα πολλὰ
 μέλη καὶ σπλάγγνα καὶ ἔκκατα καὶ
 αἰσθητήρια τὰ μὲν ἔνδοθεν, τὰ δὲ θύραθεν
 ἐρήρμοσε, δι' ὧν ἐξωρογονήθη τὸ σῶμα·
 ὧν οὐδὲν ἄργον οὐδὲ ἀρχεῖον προσετέθη,
 ἐπεὶ μηδὲ τὰ φαυλότατα, μήτε τρίχες μήτε
 ὄνυχες, πάντα δέ, τὰ μὲν πρὸς τὸ τῆς
 συστάσεως ὄφελος, τὰ δὲ πρὸς τὸ κάλλος
 τῆς ὕψεως συντελεῖ.

οὐ γὰρ τῆς χρείας μόνης, ἀλλὰ καὶ τῆς
 ὥρας ἐπιμελῆς ἡ Πρόνοια. ἔρυμα μὲν γὰρ
 καὶ σκέπασμα πᾶσι τῆς κεφαλῆς ἡ κόμη,
 εὐπρέπεια δὲ ὁ πάγων τῷ φιλοσόφῳ. τὴν
 τε τοῦ ὄλου σώματος τοῦ ἀνθρωπέου
 φύσιν ἐκ τῶν μερῶν ἀναγκαίων πάντων
 ἤρμοσε καὶ τοῖς μέλεσι πᾶσι τὴν τε πρὸς
 ἄλληλα κοινῶν περιέβαλε καὶ τὴν
 παρὰ τοῦ ὄλου χορηγίαν ἐπέμετρησεν. ὧν
 τὰ μὲν ὀλοσχερῆ καὶ τοῖς ἰδιώταις ἐκ τῆς
 πείρας ἦν ἔχει δύναμιν πρόδηλα· κεφαλῆς
 ἡγεμονία καὶ περὶ τὸν ἐγκέφαλον, ὡσπερ
 ἄρχοντα ἐν ἀκροπόλει, τῶν αἰσθήσεων ἡ
 δορυφορία· προσιοῦσαι μὲν ὕψεις,
 ἀναγγέλλουσαι δὲ ἀκοαί, ἐδοδὴ ὡσπερ
 φορολογούσα, ὄσφρησις καθάπερ
 ἀνχνεύουσα καὶ διερευνημένη καὶ ἀρή
 πᾶν διατάπτουσα τὸ ὑπήκοον ...

находились в утробе его матери, то как они сливались, принимали формы, двигались и росли? И как тогда из-за этого небольшого извержения некоторые из атомов Эпикура стали плотью и кровью, другие превратились в кости, а иные установлены как сухожилия? Каким образом конечности, внутренности и органы объединены собственным смыслом и пределом, через которое тело оживлено, поскольку среди них нет ни одной праздной ни бесполезной части. Все части, даже волосы и ногти, как самые незначительные части, служат общему устройению и внешней красоте.

Не из одной только необходимости, но и из-за попечения Провидение стремится проявить заботу. Поскольку волосы на голове – это защита и покрытие для всех, а борода – изящное украшение для философа. Природа всего тела человека Он составил из необходимых частей, которые находятся в целостной взаимной связи и в достаточном соотношении. Знание самых важных из этих членов знают даже простые люди. Совершенно очевидно, что самым важным органом среди других является голова и находящийся в ней мозг, сидящий словно на престоле в крепости и обладающий высшей силой. Мозгу сопутствует помощь, состоящая из органов чувств: глаза определяют то, что перед ними, уши передают, то что слышат, пища, ощущается через вкус, обоняние распознает запахи. Органы чувств позволяют тщательно исследовать, то, что им подвластно.

χειρῶν διακονία, δι' ὧν ἐργασία τε πάντοῖα καὶ πολυμὴ χανοὶ τελούνται τέχνη ταῖς κατὰ μέρος δυνάμεσιν εἰς μίαν συνεργίαν διηρθρωμένων, ὧμων τε ἀγχοφορίαὶ καὶ κατοχαὶ δακτύλων ἀγκόνων τε καμπαί, πρὸς τε τὸ σῶμα εἴσω στρεφόμεναι καὶ πρὸς τὸ ἐκτὸς ἀπονεύουσαι, ἵνα ἐρέλκεσθῶν τε καὶ ἀπωθεῖσθαι δύνωνται· ποδῶν ὑπηρεσία, δι' ὧν πᾶσα ἡμῖν ὑποπέπτωκεν ἢ περιγέειος κτίσις, βάσιμος ἢ γῆ, πλωτὴ ἢ θάλασσα, περάσιμοι οἱ ποταμοὶ καὶ πάντων πρὸς πάντα ἐπιμαξία· γαστήρ ταμίον τροφῶν, πᾶσι τοῖς συντεταγμένοις μέλεσιν ἐξ ἑαυτῆς ἐν μέτρῳ τὸ σιτηρέσιον διανέμουσα καὶ τὸ περιττεῖον ἐκτιθεμένη· καὶ τᾶλλα δι' ὅσων ἐμφανῶς ἢ διοίκησις τῆς ἀνθρωπείου μεμηγάνηται διαμονῆς, ὧν ὁμοίως τοῖς ἄρροσιν ἔχοντες οἱ σοφοὶ τὴν χρῆσιν οὐκ ἴσχουσι τὴν γνῶσιν. οἱ μὲν γὰρ εἰς ἦν ἀν οἰηθῶσιν ἀθεότητα τὴν ἐπιστημονικωτάτην περὶ πάντων καὶ εἰς ἑαυτοὺς εὐεργετικωτάτην ἀναφέρουσιν οἰκονομίαν, κρείττονος καὶ θείας ὄντως φρονήσεώς τε καὶ δυνάμεως ἔργον αὐτῆν εἶναι πιστούμενοι, οἱ δὲ συντυχία καὶ συμπτώσει τῶν ἀτόμων ἀσκόπως τὴν θαυμασιωτάτην καλλιέργιαν ἀνατιθέασιν.

τὴν δὲ ἐναργεστέραν ἐτι τούτων ἐπίσκεψιν καὶ τὴν τῶν ἐνδοσθίων διάθεσιν ἰατροὶ μὲν ἀκριβῶς διερευνησάμενοι καὶ καταπλαγέντες ἐξεθείασαν τὴν φύσιν, ἡμεῖς δὲ ὕστερον ὡς ἂν οἰοί τε γενόμεθα κἂν ἐπιπολῆς ἀναθεωρήσομεν.

С помощью искусства рук человеком все создается и совершенствуется и они наделены определенными возможностями в работе. Сила в плечах помогает переносить тяжести, пальцами можно ухватить что-либо, локтевые суставы разгибаются и сгибаются в отношении тела, тем самым можно тянуть вещи на себя и толкать их прочь. С помощью ног все земные создания попадают под нашу власть, мы можем ходить по земле, плыть по морю, пересекать реки, тем самым связывать все друг с другом. Желудок, в котором помещается еда, распределяет ее из себя в должной мере для пользы всех других членов человеческого тела, связанного с ним. В то же время желудок извлекает из себя то, что является лишним для человека. Всеми прочими органами прекрасно поддерживается устройство всего человеческого организма. Мудрецы как и глупцы пользуются этими органами, но знание у них разное. Одни относят это устройство к благодетельному для них Божеству, и верят, что это устройство есть дело высшей божественной силы, другие же такое изумительнейшее и прекраснейшее создание безрассудно приписывают случайной встрече и совпадению атомов совпадению атомов.

Врачи тщательно исследовали эти органы и расположение внутренних частей человеческого тела. Они, пораженные своими открытиями, признали божественность в природе. Мы же внимательно рассмотрим то, что лежит на поверхности.

καθόλου δὲ καὶ συλλήβδην ὅλον τοῦτο τὸ σκῆνος τίς τοιοῦτον ἐσκηνοποίησεν, ὑψηλόν, ὀρθόν, εὐρυθμον, εὐαίσθητον, εὐκίνητον, εὐεργόν, παντουργόν; ἢ τῶν ἀτόμων ἄλογος, φασί, πληθὺς. ἀλλ' οὐδ' ἂν εἰκόνα πηλίνην ἐκείναι συνελθοῦσαι πλάσσαιεν οὐδ' ἀνδριάντα λίθινον ζέσαιεν οὐδ' ἂν εἶδωλον ἀργυροῦν ἢ χρυσοῦν χωνεύουσαι προαγάγοιεν· ἀλλὰ τέχνη καὶ χειρουργία τούτων ὑπ' ἀνθρώπων εὐρίηται σωματουργοί. ὧν δὲ ἄπεικασία καὶ σκιαγραφία δίχα σοφίας οὐκ ἂν γένοιτο, πῶς τὰ ἀληθῆ καὶ πρωτότατα τούτων αὐτομάτως συμβέβηκε;

ψυχή δὲ καὶ νοῦς καὶ λόγος πόθεν ἐγγέγονε τῷ φιλοσόφῳ; παρὰ τῶν ἀνύχων καὶ ἀνοήτων καὶ ἀλογίστων ἀτόμων ταῦτ' ἠρανίσαστο κάκεινων αὐτῶ τι ἐκάστη νόημα καὶ δόγμα ἐνέπνευσε;

καὶ ὡσπερ ὁ Ἡσιόδου μῦθος τῆν Πανδώραν φησὶν ὑπὸ τῶν θεῶν, οὕτως ἢ σοφία τῶνδ' ὑπὸ τῶν ἀτόμων συνετελέσθη; καὶ ποίησιν δὲ πᾶσαν καὶ πᾶσαν μουσικὴν ἀστρονομίαν τε καὶ γεωμετρίαν καὶ τὰς ἄλλας ἐπιστήμας οὐκέτι θεῶν εὐρέματα καὶ παιδεύματα φήσουσιν Ἕλληνες εἶναι, μόναι δὲ γεγόνασιν ἐμπειρικά καὶ σοφαὶ πάντων αἱ ἼΑτομοὶ Μοῦσαι; ἢ γὰρ ἐκ τῶν ἀτόμων Ἐπικούρου θεογονία τῶν μὲν ἀπειρῶν κόσμων ἐξορίος ἐστίν, εἰς δὲ τὴν ἄπειρον

Теперь одним словом я спрашиваю, кто создал это вместилище, такое какое оно есть: распростертое в высоту, идеально устроенное, соразмерное, восприимчивое, подвижное, удобное для всякого искусства? Бессмысленное множество атомов, говорят они! Не могли же атомы сами собой объединиться в одном месте и создать художественный образ из глины, ни выточить из мрамора статую, ни сотворить изображение из серебра или золота. Но именно люди были изобретателями разных искусств и рукотворением своим создали из вещества образы. Если же без мудрости не могли явиться простые подобию и теневые начертания, то как могли возникнуть истинные и первоначальные образы вещей появиться сами собой.

Каким образом душа, ум и смысл возникают у философа? Он, что получил их от атомов, которые не имеют никакой души, ни ума и являются неразумными? Каким образом сотворили каждого из них и вдохнули в него некую мысль и учение?

И мудрость человека была доведена до совершенства атомами, как например, полагает Гесиод в своей басне³, где Пандора появилась от богов? Должны ли тогда эллины утверждать, что вся поэзия, и вся музыка, и астрономия, и геометрия и другие науки уже не являются изобретением и созданием богов, а появились только с помощью опыта и мудрости всяческих «атомных муз» (*женские божества искусства – ат.*)? По Эпикуру

³ Гесиод. Дела и дни 60.

ἄκοσμίαν περὶ γάδειται.”

появление богов произошло от атомов, которые были изгнаны из безграничных миров и оказались в бесконечном беспорядке.

Дата поступления 25.06.2013 г.

Первый Московский государственный
медицинский университет, г. Москва
shok@msm-medical.ru

Balalykin, D.A., A.P. Sheglov and N.P. Shok. Natural philosophy tradition in antique natural history and Alexandrian school in the 3^d century. Part II

The paper deals with an urgent problem in the history of science, viz the mutual influence of natural philosophy and medicine in the 3^d century. At the end of the 2nd and the beginning of the 3^d century, an important turn came about in medicine: the theory was formed which began to predominate in this field all over the civilized space – Galen’s anatomic-physiological system. Also, the paper analyses in detail the special role of Alexandrian school in the development of natural science: it ensured synergy of antique philosophy and Christian theology.

Keywords: history of medicine; history of science; Alexandrian school; antique natural history; Galen; Dionysius of Alexandria (the Great); Asclepiades; Plato; Aristotle